

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНО-СЕКСУАЛЬНОЙ И РЕПРОДУКТИВНО-СУПРУЖЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ И БРАКА

Людмила Николаевна Курбатова (kurbatova-ln@mail.ru),
Василий Николаевич Стегний (socio@pstu.ru),
Екатерина Олеговна Тарасова (tarasova_eo@mail.ru)

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия

Цитирование: Курбатова Л.Н., Стегний В.Н., Тарасова Е.О. (2024) Институционализация гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры как отражение трансформации семьи и брака. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3): 65–105. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.3>. EDN: HCERTG

Аннотация. Смена общественной социально-экономической и культурно-этической парадигмы российского общества в 1990-е годы оказала влияние на институт семьи и брака. Как следствие трансформационных процессов в этих социальных институтах возникли противоречия в сексуальной, репродуктивной и супружеской культуре. Социологические исследования, проведенные авторами статьи на протяжении последних 50 лет на базе пермских вузов (1969–2022), позволили определить место семьи, брака, детей, любви в системе жизненных ценностей современных студентов, характер традиционной, неотрадициональной, новотрадиционной и латентной гендерно-сексуальной культуры, выявить социокультурные предпочтения студентов в репродуктивно-супружеской сфере. Это в первую очередь касается динамики изменения установки на число детей в браке с учетом трансляции на будущее, характер выбора «ребенок — карьера», отношение к вспомогательным репродуктивным методам. Супружество рассмотрено через функционально-гендерную стереотипизацию в рамках сексуальной, репродуктивной, профессионально-трудовой культуры. Выделены институциональные факторы по типу социальных институтов и их институционально-ролевым функциям. Основным выводом исследования: семья остается востребованной формой социальной организации жизни современного человека. Сформировалась новая гендерно-сексуальная традиция. Молодежь — основной институциональный субъект при определенной сохранности роли родителей. Слабым звеном выступают институты политики и церкви. Исторический срез в 100 лет (XX в.) не является социальным временем, в течении которого прошлые традиции могли быть заменены новыми. Старые традиции сохраняются как в социальной практике, так и в латентном состоянии. Сексуальная, гендерная, семейно-брачная революция — это бесконечный социальный процесс.

Ключевые слова: сексуальная, репродуктивная, супружеская, гендерная культура, институциональные факторы, традиция, неотрадиция, новая традиция, латентность, юноши и девушки, семья и брак.

Проблемные зоны исследования

И.С. Кон определил закономерность социальной дисфункциональности сексуальной, гендерной, семейно-брачной культуры как следствие сексуальной, гендерной и семейно-брачной революции. Он делает следующий вывод: «Жить в сегодняшнем мобильном и изменчивом мире по понятиям воображаемого прошлого люди не захотят и не смогут» (Кон 2011). Насколько данный тезис сегодня очевиден, достиг ли этот процесс точки невозврата? На самом ли деле традиционные сексуальные, репродуктивные, супружеские, гендерные стереотипы — это прошлый век или сегодня уже сформировалась новая традиция?

В 2022 г. вышел Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ 2022). Одной из традиционных ценностей выделена «крепкая семья». Для этого необходимо «сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины)». Здесь же определены ограничения и запреты на деструктивную идеологию, в том числе в сфере сексуальной культуры. Реализация по сохранению традиционных ценностей возлагается на систему образования и культуры, к этому процессу должны быть подключены как органы публичной власти и институты гражданского общества, религиозные организации, так и информационная среда.

В связи с этим возникают вопросы: насколько данная культурно-этическая тенденция характерна для массового сознания, насколько она трансформирована в социальной практике, обладает ли семья как социальный институт, малая социальная группа и общность социальным иммунитетом, способным сохранять традиции в сфере гендерной, сексуальной, репродуктивной, супружеской культуры? Как социальные институты влияют на формирование данных областей культуры?

Семья как социальная группа — это отражение институциональных изменений общества, в ней присутствует и прошлое, и настоящее, и будущее. Институт семьи, как и общество, не стоит на месте, а эволюционирует вместе с ним (Вишневский 2008). Институт семьи создает условия и требования (правила, регламент, контроль) для создания и формирования семьи как социальной группы. «Семья» как малая социальная группа делает выбор тех качеств (свойств) и соответствующей им структуры и функции, которые ей наиболее подходят для выживания в социальных условиях современного ей общества. В первую очередь это влияет на семейно-брачную культуру. На эту же особенность обращают внимание и другие

исследователи, анализируя семью в системе социокультурных ценностей современной России (Климантова 2018). Именно семья через культивирование традиций связывает прошлое с будущим (Киселева и др. 2022).

В обществе идет острая дискуссия, что происходит с семьей — кризис модернизации или кризис традиции (Синельников 2018). Акцент в дискуссии делается на гендерно-ролевую девиацию как фактор риска семьи (Нагевичене 2012).

В социальном кризисе присутствует сформированный в прошлом характер институциональности, но нарушаются социальные связи, которые поддерживали порядок в социальном институте. Это связано с тем, что институты — «это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» (Веблен 1984: 202). Именно в этом отражается феномен культуры как технологии социального поведения (Файнбург 1979), ее социальная инертность.

Однако «живое противоречие “традиция — инновация” проявляет свою действительную силу тогда, когда традиция готова к обновлению и становится источником развития, а у инновации нет другого способа утвердить себя и выжить иначе, как доказав свою органичность и укорененность в культуре» (Сивков 2011). При этом «культура непосредственно связана с традицией, характеризующей такие самоорганизующиеся и саморегулирующиеся системы человеческой деятельности и связанный с ними социокультурный опыт, функционирование и развитие которых не связано с институциональными формами обеспечения через специальный аппарат власти» (Костина 2009).

Социальные институты активно участвуют в процессе формирования семейно-брачной культуры. Например, институты политики: имеются демографические прогнозы ООН для мира и России (Медков 2008), состояние семьи анализируется в соответствии с особенностями демографических процессов в современной России (Ростовская и др. 2021), в стране принята концепция государственной семейной политики до 2025 г. (Распоряжение Правительства РФ 2014), государством разработана и внедряется система мер поддержки семьи, материнства и детства (Ахметова, Макарова 2022), эти решения не только опираются на реалии современной жизни, но и имеют научную обоснованность (Лаврентьева, Илышев 2006).

Институты культуры и средств массовой коммуникации, используя возможности искусства, кино, литературы, ТВ, интернета, создают многообразие культурных семейно-брачных типов, отражая всю палитру социокультурных ценностей современного общества (Ярская-Смирнова 2001; Ильичева 2019).

Институты образования распространяют свое влияние в процессе формирования семейно-брачной культуры на детей начиная с дошкольного возраста (Болдырева 2015). Следует обратить внимание на тот факт, что если российское образование ориентировано на формирование семейно-брачной культуры, то западноевропейское и североамериканское направлено на «социализацию сексуальной культуры» (Omelchenko 1999; Bay-Cheng 2003; Ingham 2005). Мусульмане рассматривают секс-образование для детей и подростков как «опасное знание», подрывающее исламскую идентичность (Tabatabaie 2015). В Китае, как представителе азиатской культуры, «половое воспитание» («воспитание полового созревания») в школах не является ни всеобъемлющим, ни хорошо интегрированным. Это связано с культурными традициями и системными барьерами (Qin, Zhang 2023). На постсоветском пространстве, например в Казахстане, образование в области сексуального здоровья не предусмотрено из-за культурной чувствительности предмета (Zhuravleva, Helmer 2024).

Институт церкви встроен в этот процесс через систему ритуальных мероприятий, таких как венчание, крещение, которые за последние 30 лет стали востребованы в российском обществе (Курбатова 2012а). Церковь активно пытается вести просветительскую работу по сохранению традиционной семейно-брачной культуры (Беляева 2015; Тарасова 2016). При этом православная церковь осуждает сексуальные отношения вне брака, определяя секс как блуд (Основы социальной концепции РПЦ 1992).

Рассматривая институт семьи и брака как объект культурной дефиниции, выделим современный тренд трансформации традиционной семейно-брачной модели: «брак — супружество — родительство». Это связано с такими сферами гендерных отношений в области семьи и брака, как «сексуальность», «родительство», «супружество», «брачность», и в культуре их социальная конфигурация постоянно меняется.

На протяжении последних ста лет данная модель трансформировалась в «сексуальность — родительство — супружество» или «сексуальность — супружество — родительство». Это говорит о смене моделей гендерных отношений, а также о дисфункциональности института брака и росте значимости сексуальных и добрачных отношений. Именно эта тенденция закреплена в современной социологии семьи.

Сексуальная функция отделена от репродуктивной, выделяется как самостоятельная (Харчев 2003; Мацковский 1989). Однако «сексуальность» в современном обществе не является прерогативой семейно-брачных отношений (Гидденс 2004). В то же время продолжается дискуссия о роли и месте «репродуктивного секса» (Cutas 2009; Schuiling 2005).

На сломе веков Александра Коллонтай в своем произведении «Любовь трех поколений» (1923) раскрыла характер трансформации гендерно-сексуальной культуры в условиях институциональной дисфункциональности общественно-политической, социально-экономической и социокультурной жизни российского общества (Коллонтай 2008). Современная Россия переживает аналогичную дисфункциональность в сфере сексуальной и гендерной культуры. В то же время такие понятия, как «пластичная сексуальность», «текущая любовь», «сексуальная текучесть», в социологии сексуальности стали научными нарративами, приняты как социальные аксиомы (Кон 2011). Возникает вопрос: как современные юноши и девушки относятся к сексуальности как форме специфических социальных отношений?

Репродуктивная функция остается основоопределяющей в жизни человека. Именно она позволяет воспроизводить и сохранять человека как продукта естественной природы. Т. Тейлор, основываясь на антропологических исследованиях, делает вывод, что «с появлением Номо начинается контроль над рождаемостью, проекцией и изменением сексуальной идентичности, а также предполагаемое появление гомогенности в ранних, ориентированных на репродукцию» обществах (Taylor 2007). Это логически вписывается в теорию происхождения семьи.

В данном случае речь идет о поддержании и стимулировании репродуктивной функции семьи. Однако встают вопросы: каков характер репродуктивной установки молодежи, каковы противоречия этих установок между юношами и девушками, насколько данная установка вписывается в институциональное пространство современного общества? Социологи отмечают, что первичный выбор у молодежи может быть «неправильным» и поэтому в него часто вносятся коррективы. При этом они могут вноситься неоднократно. У молодых людей фиксируется установка на то, в каком возрасте им заводить детей (Антонов 2018), как их рождение соотносить с карьерой, тем более что материнская и трудовая карьеры не всегда совпадают или могут пересекаться во времени (Шутова 2015; Тарасова 2017). Еще одна проблема современного общества — это увеличение числа семей, где один из супругов страдает бесплодием (Фахрисламова 2014). Развитие искусственных форм репродукции, с одной стороны, позволяют решать данную проблему (Русанова 2018), с другой — возникают этические, религиозные и правовые проблемы (Киященко, Бронфман, Майленова 2018; Sleeboom-Faulkner 2010), немаловажным является свободный доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям (Богомягкова, Ломоносова 2017).

Представление человека о семье первично обусловлено его личными потребностями и установками на данную форму организации собствен-

ного жизненного пространства. Ребенок с детских лет встроен в семейные отношения. Семья предстает для него как некая социальная система, которая обеспечивает его надежность, устойчивость, защиту от внешней среды. В данном аспекте возникает проблема формирования супружеских отношений как основы семьи и брака, образ которых закладывается в условиях первичной социализации. Предполагается по умолчанию, что супружество в той или иной степени подразумевает «биологическое воспроизводство» (Егорова 2020). Однако сегодня супружество необязательно должно быть связано с родительством.

«Брачность» выступает скрепом в этой модели, создавая свою индивидуальную социальную конструкцию, например «сексуальность — брачность — супружество — родительство» или «сексуальность — родительство — брачность — супружество». В то же время традиционная модель не исчезает, а переходит в латентное состояние, которое может вновь оказаться доминирующей. Именно на такую парадоксальность обращает внимание С.В. Захаров, ставя вопрос: «Золотой век» традиционного брака близится к закату? (Захаров 2007).

Человек представляет семью как малую социальную группу, а не как некий социальный институт. На протяжении всей жизни человек выстраивает свою семью как социальную общность, имеющую связь с прошлым (через свою родословную, в первую очередь родительскую семью) и ориентируясь на будущее своих детей (через призму представлений об их будущих семьях) (Стегний 2013).

Таким образом, на формирование семейно-брачной культуры оказывает влияние общество, используя институциональные средства (политические, экономические, социокультурные, социально-психологические). Причем это влияние носит не прямой характер воздействия, а опосредованный, т.е. общество формирует некий образ семьи с учетом как социальных традиций, так и тех новых качеств, которые возникли вследствие общественных трансформаций, обуславливая тем самым процесс формирования семьи как социального института. Выбор культурной модели семьи остается за человеком. Какую культурную модель он выберет, зависит от его собственного представления о семье как социальной системе. Таким образом, представление о семье и браке — это отражение совокупного представления о семье в единстве ее прошлого, настоящего и будущего социокультурного образа.

Поэтому возникает вопрос, как социальные институты в реальности воспринимаются молодежью в качестве факторов, влияющих на их представление о семье и браке, как они влияют на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры современных юношей и девушек.

В предлагаемом исследовании мы выделили ряд концептуально-эмпирических показателей, которые позволяют понять особенности трансформации гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры в новых для России (конца XX — первой четверти XXI в.) институциональных условиях.

Объект исследования ограничен студентами пермских вузов. В этой связи возникает вопрос: можно ли выводы нашего исследования транслировать на всю российскую молодежь? В определенной мере, да. Во-первых, если учитывать особенности гендерных-возрастных социальных групп с такими же характеристиками условий первичной социализации и социальным статусом в стратификационной структуре российского общества. Во-вторых, на формирование культуры личности оказывает влияние система институциональных факторов в масштабе государства и общества. В-третьих, молодежь активно встроена в информационное пространство «без социально-географических» границ. В-четвертых, молодежь как социальная группа обладает своим специфическим социально-культурным кодом.

Методология и методика исследования

Трансформации семьи как социальной системы в социальном времени и социальном пространстве основывается на законах: переход количества в качество, единство и борьба противоположностей, отрицания отрицания, теория отражения. Анализ осуществляется в рамках системного, структурно-функционального, институционального и сравнительно-социологического подходов.

Наш концептуальный подход исследования гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры основывается на следующем.

Для того чтобы сформировалось новое качество, необходимо пройти «социальный Рубикон», когда «идея овладевает массами», после чего старые традиции переходят в латентное состояние, новые традиции начинают доминировать. При этом необходимо учитывать, что в процессе институционализации и социализации, если старые традиции отрицаются некоторой частью социума, это еще не значит, что новое сразу будет принято и реализовано в массовой социальной практике. В таких условиях возникает эффект «социальной пустоты». Но социальных пустот не бывает, так как данный фрагмент социального пространства сразу же заполняется (замещается) другим культурным содержанием, причем необязательно однотипным по культурной форме и содержанию новой традиции.

Необходимо учитывать, что советская и постсоветская культура — это антиподы. В современной России как носители новой культуры должны

возникать соответствующие по социальному качеству социальные институты. В то же время существует такое явление, как социально-психологические и социокультурные барьеры к нововведениям. Поэтому противостояние культур будет иметь место. Отсутствие преемственности культур — это показатель дисфункции культуры как социального феномена. Следовательно, в таких условиях можно наблюдать эффект дисфункциональности новых социальных институтов.

Именно в процессе перехода от советской социокультурной модели к современной российской в обществе стала формироваться «суррогатная культура» (Курбатова 2004). В данном случае семья оказалась в культурной изоляции, поэтому возникла «суррогатная культура», когда родителям свойственна предшествующая (в данном случае советская) культура, а дети оказываются перед выбором разных типов культур, где доминирует новый тип культуры, прежде не имевший аналогов в российском обществе. Радаев рассматривает данный процесс как «поколенческий раскол» (Радаев 2019).

В связи с этим встает вопрос: стоит ли в этих условиях пытаться, например правовыми средствами, сохранять «старые» культурные традиции? Россия более века назад уже пережила состояние «суррогатной культуры» и «поколенного раскола». Двадцатый век стал эпохой формирования новой семейно-брачной культуры. Изменилась структура семьи и семейно-брачных отношений. Нормой стала малодетность, нуклеарность, добрачные и внебрачные связи, вследствие чего в правовом поле внебрачные дети получили законный статус, снизился возраст согласия и т.д. Активно внедряется «гражданский брак», расширяются возможности искусственных методов репродукции. Сегодня внешность, телесность рассматриваются через призму сексуальности (Бодрийяр 2006).

Традиционно социализация личности в обществе исходит из понимания человека как единства мужского и женского начала. Однако в ходе эволюции под воздействием институциональных процессов человек «раздвоился» в соответствии с социально-половой дифференциацией, результат этого социального процесса — формирование гендерного стереотипа, который меняется в соответствии с историческими эпохами, культурно-цивилизационными и формационными условиями. Поэтому «гендер» мы рассматриваем как культурно-этическую характеристику социального субъекта — мальчик/девочка, юноша/девушка, мужчина/женщина.

Таким образом, возникает следующее противоречие. Сегодня брак и семья испытывают двойную социальную нагрузку. С одной стороны, «крепкая семья» — это устойчивые, стабильные супружеские отношения, удовлетворенность качеством родительства, совместимость сексуальной

культуры, сексуальная гармония. С другой стороны, супружество — это реконструкция сексуальных, репродуктивных, семейно-брачных, гендерных стереотипов, родительство направлено на выбор репродуктивных форм поведения мужчины и женщины, характера соотношения материнского и отцовского вклада в процесс социализации ребенка, сексуальность проявляется в характере совместимости традиционной и посттрадиционной гендерно-сексуальной культуры.

В нашем исследовании мы исходим из уже сформировавшейся семейно-брачной культурной парадигмы, поэтому в качестве социальных показателей взяты «сексуальная культура», «репродуктивная культура», «супружеская культура». Они рассмотрены через призму социальных потребностей, установок, ценностных ориентаций, мотивов и представлений юношей и девушек о гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуре. Именно эти структурные характеристики личности вошли в авторские методики социологических исследований.

Мы выделили следующие эмпирические переменные показатели, которые позволяют раскрыть особенность гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры современной молодежи: любовь как форма социальных отношений, роль и место мужчин и женщин в современном обществе, отношение к сексуальному поведению, роль родителей в воспитание данных видов культур, установка на число детей, институционально-культурный репродуктивный выбор, функционально-культурный стереотип супружества, культурно-нравственные и статусно-супружеские приоритеты студентов.

Для исследования институциональных факторов, оказывающих влияние на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культур, нами разработан следующий структурно-функциональный подход.

В качестве признаков, определяющих социальные институты, выбраны культура институциональных субъектов (образ жизни, социальный статус) и институциональные условия (социальные отношения, социальная ситуация, социальная среда).

В исследовании выделены два направления институционального анализа:

- классификация по характеру социальных институтов — *институт семьи* (родители, родственники), *институт дружбы* (друзья, подруги), *институт образование* (учителя школ, преподаватели вуза, специалисты, эксперты), *институты виртуальных социальных коммуникаций* (интернет, общественное мнение), *институты культурных трансформаций* (книги, кино, ТВ, образ жизни «золотой молодежи»

и «богема», культурно-этическая и нравственная ситуация в обществе), *институт политики* (образ и стиль жизни политиков, социальные государственные программы по развитию семьи и материнства), *институт церкви* (церковнослужители как субъекты семейно-брачной культуры), *институт экономики* (образ, стиль жизни представителей крупного бизнеса, экономическая ситуация в стране), *личность как институциональный субъект* (личный жизненный опыт); — классификация по институционально-ролевым функциям социальных институтов (институты социального воспроизводства, институты социальной реализации, институты социального управления).

Институты социального воспроизводства выполняют функции по сохранению и стабилизации института семьи и брака, таких его качеств, как сексуальная, репродуктивная и супружеская культура. В исследовании они рассматриваются через субъекты семейных отношений, субъекты экономических отношений, культуру личностного пространства (личность как институциональный субъект)

Институты социальной реализации играют роль в трансформации и модернизации сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры. В исследовании они рассматриваются через социокультурные модели межличностных отношений и социокультурные образы социального поведения, предлагаемые современными социальными технологиями.

Институты социального управления определяют философию и идеологию института семьи и брака, выполняют функции контроля, регламентации, регулирования, конструирования социальных качеств данного института. В исследовании они рассматриваются через институты политики и церкви, которые осуществляют формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры с помощью политических и религиозных средств воздействия на массовое сознание.

Данные показатели включены в социологическое проектное исследование «Институционализация современной культуры», которое было проведено в апреле-мае 2022 г. Оно включает в себя основные эмпирические переменные показатели, которые, по нашему мнению, отражают специфику гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры во взаимосвязи с институциональной средой.

В нем приняли участие студенты Пермского национального исследовательского политехнического университета очной формы обучения (N=97), среди них 45 % — юноши и 55 % — девушки¹, студенты второго и третьего курсов очной формы обучения, возраст — 19–21 г. Среди

¹Процент рассчитан от числа опрошенных студентов по группам.

опрошенных студентов 71 % до поступления в вуз проживали в полной семье, 12 % — в нукlearной, 17 % — в неполной семье. Каждый второй имел комфортные условия проживания, т.е. собственную комнату в родительской семье (54 %), остальные 46 % студентов не имели таких условий проживания. Материальное положение родительской семьи в условиях первичной социализации студентов можно характеризовать как средний уровень — «денег хватало, могли кое-что откладывать» (70 %). Каждый десятый студент идентифицирует свою родительскую семью как высокообеспеченную (15 %), также каждый десятый — как низкообеспеченную (12 %). У более половины студентов первичная социализация проходила в условиях малой территории (малый город — 39,2 %, село — 20,6 %), в большом городе или областном центре проживали 40,1 %.

Воспроизводство специалистов с высшим образованием чаще всего осуществляется лицами, имеющими высокий уровень образования. Такая тенденция сохраняется на протяжении всего исследуемого времени. Поэтому 47 % опрошенных студентов отметили такой уровень образования своих родителей, 40 % — среднее профессиональное. В то же время формационные изменения в российском обществе привели к разрыву в воспроизводстве профессионально-функциональной структуры через систему политехнического образования (табл. 1).

Таблица 1

**Трансформация воспроизводства
профессионально-функциональной структуры общества
через систему политехнического образования, % по группам**

Социальное положение родителей	Мать			Отец		
	1984	2002	2022	1984	2002	2022
Рабочие	29,4	20,9	12,4	40,6	28,8	17,5
Техническая и гуманитарная интеллигенция	36,9	31,7	34,0	30,4	22,0	20,6
Служащие предприятий и учреждений	25,2	19,8	18,6	13,5	19,4	24,7
Предприниматели, бизнесмены, коммерсанты		6,7	9,3		8,2	17,5

Примечание: социологические исследования «Социальный портрет студента» (1984 г. — N=3200, 2002 г. — N=938); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Если в советское время инженерный корпус воспроизводился из среды рабочих и технической интеллигенции, то в условиях нового времени

представители рабочего класса оказались на «обочине» этой социально-функциональной системы.

Подавляющее большинство опрошенных холостые (78 %). В то же время практически каждый десятый студент состоит в гражданском браке (14 %).

Таким образом, определенная часть участников исследования представляет средний уровень стратификационной структуры российского общества, другая — средний-низший уровень.

При сравнительном анализе мы опирались на результаты социологических исследований¹, проведенных по авторским методикам за последние 50 лет на базе пермских вузов:

1. «Будущее: наше и твое» (В.Н. Стегний, 1969).
2. «Социальный портрет студентов» (Л.Н. Курбатова, В.Н. Стегний, 1984, 2002, 2008, 2013, 2018).
3. «Правовая культура семьи и брака», «Выбор брачного партнера», «Сексуальная культура», «Репродуктивная культура», «Человеку свойственно любить» (Л.Н. Курбатова, 1992, 2008, 2016, 2017, 2022).
4. «Представление студентов о будущем семьи и брака» (Е.О. Тарасова, 2021).

Во всех исследованиях данные обработаны с помощью пакета Statistical Package for the Social Sciences (SPSS).

Семья, дети, брак в системе жизненных ценностей студентов

Рассмотрим институциональные особенности жизненных ценностей студентов², чтобы понять почему они так или иначе воспринимают те или иные институциональные факторы, влияющие на их сексуальную, репродуктивную, супружескую культуру (табл. 2).

На протяжении 20 лет ценность семьи и любви сохраняется, в 2013 г. наблюдается всплеск интереса к этому социальному институту. Однако в последующем установки на семью приходят в прежнее состояние. В то же время наблюдается нивелированность установки на детей. Институт дружбы претерпел существенные негативные трансформации. Для современных студентов этот социальный институт начинает утрачивать

¹ Возможность сравнения результатов разных социологических исследований обеспечивается предметно-смысловыми вопросами по теме статьи, однотипным образовательным статусом и социальным составом объекта исследования (студенты пермских вузов).

² Социологические исследования «Социальный портрет студента» (2002 г. — N=938, 2008 — N=512, 2013 — N=306, 2018 — N=153); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Таблица 2

**Динамика изменения структуры жизненных ценностей студентов,
% по группам**

Жизненные ценности	2002	2008	2013	2018	2022
<i>Социально-адаптационные ценности</i>					
Умение приспосабливаться к жизни	84,0	75,2	73,5	67,3	74,2
Хорошее здоровье	73,0	61,9	58,5	61,4	62,9
Наличие друзей	78,0	59,3	52,6	54,9	40,2
<i>Социально-базисные ценности</i>					
Уверенность в завтрашнем дне	60,0	61,3	51,6	47,7	50,5
Материальный достаток	62,0	60,7	52,3	57,5	70,1
Семья, любовь	51,0	55,0	65,7	56,2	55,7
<i>Социально-регулирующие ценности</i>					
Профессия	43,0	32,3	25,8	28,1	32,0
Образованность, культура	40,0	49,2	35,6	39,2	45,4
Добропорядочность, честность	43,0	39,3	43,1	48,4	35,1
Дети	37,0	28,4	34,3	37,9	21,6
<i>Социально-реализуемые ценности</i>					
Служебная карьера	36,0	38,9	29,4	34,0	37,1
Бизнес	35,0	28,4	22,5	28,1	26,8
Польза обществу	16,0	14,3	12,4	11,8	21,6

свою ценность. Повысилась ценность общества, следовательно, у студентов формируется установка на значимость институтов политики в их жизни. Наблюдается противоречие между установкой на материальное благополучие и установкой на создание своего бизнеса, на образованность-культуру и нравственными ценностями. Это говорит о том, что институты образования-культуры и экономики не отвечают социальным запросам студентов. Профессионально-трудоустановки (на профессию, служебную карьеру) оказываются очень подвижными. За 20 лет они меняли свой социально-ценностной вектор. За последние 10 лет наблюдается повышение значимости этой социальной сферы.

Если мы рассматриваем брак как социальный скреп в системе «сексуальность — родительство — супружество» или «сексуальность — супружество — родительство», то возникает вопрос, какие потребности чело-

века институт брака должен сегодня удовлетворять. Чего бы хотели достичь современные студенты в своем браке?¹ (табл. 3).

Таблица 3

Структура потребностей студентов в институте брака, % по группам

Структура брачных потребности	2017	2022	Юноши		Девушки	
			2017	2022	2017	2022
Удовлетворить свои материальные потребности	7,5	44,3	8,2	27,3	8,9	49,3
Удовлетворить свои сексуальные потребности	9,2	52,6	14,8	59,1	4,4	50,7
Удовлетворить свои духовные потребности	17,5	59,8	18,0	59,1	22,2	60,0
Быть социально защищенным, чувствовать себя в безопасности	13,3	64,9	8,2	27,3	24,4	76,0
Удовлетворить свои потребности в общении с близким человеком	23,3	72,2	18,0	72,7	37,8	72,0
Удовлетворить свою потребность в семейно-брачном статусе	11,7	29,9	13,1	18,2	13,3	33,3
Самореализоваться как мужчина/женщина, муж/жена, отец/мать	61,7	47,4	78,7	36,4	57,8	50,7

Пять лет назад студенты рассматривали брак как некую целостную социальную систему, которая позволяет реализовать основные социальные роли и функции человека: гендерные, супружеские, родительские. При этом для юношей это было более значимо, чем для девушек, для которых имели значение и другие составляющие брака. Сегодня институт брака воспринимается структурно. В первую очередь это индивидуализация межличностных отношений, что позволяет, с одной стороны, чувствовать себя защищенным, с другой — удовлетворить свои духовные и сексуальные потребности. Семейно-брачный статус не является востребованным в массовом сознании молодежи, хотя каждый второй студент стремится к полной семейно-брачной модели самореализации. Однако брак как социальная форма защиты, включая материальное благополучие и семейный статус, более востребована девушками. У юношей наблюдается спад общего интереса к ролевым функциям брака.

¹ Социологические исследования «Выбор брачного партнёра» (2017 г. — N=120); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Гендерно-сексуальная культура: традиция, неотрадиция, новая традиция

Традиционно в российском обществе сексуальные связи воспринимались через понятие «любвные отношения». Любовь — это сложная, тонкая и хрупкая субстанция человеческой души, это не только чувство, но и форма социальных отношений (Курбатова 2012б).

Восприятие любви через призму сексуальной культуры носит противоречивый характер¹. С одной стороны, по мнению студентов, любовь в первую очередь это духовная близость, во-вторых — половое влечение (в 2008 г. — 43,2 %, в 2016 — 25,3 %), те кто считает наоборот составили 7,6 и 6,3% соответственно по годам. С другой стороны, студенты в 2016 г. при определении «половых отношений» легко апеллируют такими выражениями, как «любовь, любовные отношения» (74,8 %), «близкие отношения» (71,1 %), «интим, интимные отношения» (61,7 %), «секс, сексуальные отношения» (60,2 %). В то же время если понятие «интимные отношения» одинаково приемлемо для девушек и юношей, то другие формы языковой сексуальной культуры имеют гендерный характер. Девушки склонны к традиционной форме обозначения — «любвные или близкие отношения» (82,6 % против 65,0 % у юношей), юноши спокойно относятся к понятию «сексуальные отношения» (73,5 % против 49,7 % у девушек). В то же время каждый второй юноша (49,6 %) и каждая пятая девушка (20,8 %) легко употребляют понятия не из литературного лексикона, обозначая данные отношения.

Сравнительный анализ результатов исследований 2008, 2016 и 2022 гг. показывает, что наблюдается некий сдвиг с традиционного возвышенно-поэтического понимания «любви», в сторону рационально-прагматической оценки (табл. 4²).

Если в 2008 г. к «прагматикам» можно было отнести каждого пятого студента, то в 2022 г. — каждого третьего, в то же время среди респондентов 2016 и 2022 гг. нет никого, кто бы отрицал любовь как жизненную ценность. На протяжении исследуемого времени мы фиксируем, что любовный романтизм более присущ девушкам, юноши сохраняют прагматизм, причем их доля со временем возрастает. Так, в 2008 г. к этой группе можно было отнести каждого третьего юношу (28,8 %), в 2022 г. — уже каждого второго (50,0 %).

¹ Социологические исследования «Человеку свойственно любить» (2008 г. — N=512, 2016 — N=158).

² Социологические исследования «Человеку свойственно любить» (2008 г. — N=512, 2016 — N=158); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Таблица 4

**Сравнительный анализ восприятия любви
через призму сексуальной культуры, % по группам**

	2008	2016	2022
Настоящая, большая любовь существует	66,5	69,0	61,9
Люди (книги, фильмы, театр) преувеличивают романтику любви, на самом деле все более прозаично и буднично	21,4	26,6	28,9
В жизни все просто и обыкновенно, а разговоры о любви — лишь иллюзия, самообман	7,0	2,5	7,2
Все разговоры о любви надуманы, человек одинок и не испытывает потребности в чьей-то близости, любви	1,8	-	-

Двадцатый век отмечается активным включением женщин в общественную жизнь. Однако, как видно из результатов исследования, любовь как характеристика интимной сферы жизни сохраняет свой статус. В то же время на протяжении последних 30 лет в нашу жизнь активно внедрилось такое понятие, как «унисекс», которое раскрывает особенности современной социально-гендерной культуры. В исследовании мы ориентировались на существующие сегодня модели восприятия этого явления: традиционное и неотрадициональное понимание гендерных ролей, формирование новой гендерной традиции и состояние латентности.

Традиционная модель — «унисекс» размывает природную и социальную ценность мужчины и женщины, их уникальность в общественной жизни, в общении друг с другом. Мужчины и женщины становятся сексуально непривлекательными. Поэтому везде и во всем мужчина должен оставаться мужчиной, а женщина — женщиной.

Неотрадициональная модель — в общественной жизни, на работе мужчина и женщины должны быть равноправны, к ним должны предъявляться одинаковые требования, они должны иметь равные права, но и нести одинаковую ответственность. Однако в личной жизни, в межличностных отношениях, во внешнем виде, в сексуальных отношениях должны сохраняться особенности женской и мужской сущности и культуры.

Новая гендерная традиция позволяет мужчинам и женщинам чувствовать себя равноправными во всем: в общественной жизни, профессиональной деятельности, в одежде, поведении, личной жизни, сексуальных отношениях.

Латентность — нет определенности в оценке роли и места мужчины/женщины в современном обществе.

Сравнительный анализ позволяет выявить характер социально-гендерной трансформации в молодежной среде¹ (табл. 5).

Таблица 5

**Трансформация социально-гендерной культуры студентов,
% по группам**

Модели социально-гендерной культуры	2016	2022	Юноши		Девушки	
			2016	2022	2016	2022
Традиционная модель	33,8	13,4	35,9	13,6	32,2	13,3
Неотрадициональная модель	20,7	32,0	15,4	27,3	24,8	33,3
Новая гендерная традиция	18,0	46,4	17,9	45,5	18,1	46,7
Латентность	27,5	8,2	27,4	13,6	22,9	6,7

При доминировании в 2016 г. ориентации на традиционную модель социально-гендерных отношений наблюдается процесс формирования новой гендерной традиции. Это четко определено в исследовании. Во-первых, мы фиксируем высокую латентность (неопределенность) в определении роли и места мужчин и женщин в обществе. Во-вторых, каждый пятый ориентирован на неотрадициональную модель. В-третьих, каждый пятый студент предпочитает социальный «унисекс» в отношениях.

В настоящее время можно констатировать факт переориентации с традиционной модели на неотрадициональную и приоритетность новой социально-гендерной традиции в массовом сознании студентов. В то же время девушки, в отличие от юношей, более активно включены в процесс институционально-гендерной трансформации.

Институционально-гендерные трансформации прямо связаны с культурой сексуального поведения. Основными ключевыми признаками, характеризующими новые культурные тренды в сфере сексуальной жизни, являются:

- принятие или отрицание добрачных и внебрачных сексуальных отношений;
- установки родителей на характер сексуального поведения детей.

Все остальные составляющие сексуальной культуры — это производные от данных признаков.

¹ Социологические исследования «Сексуальная культура студентов» (2016 г. — N=266); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

В статье рассмотрены следующие признаки, характеризующие сексуальную культуру:

Классификация сексуальной культуры по традиционным и инновационным признакам		
Социальные формы сексуальной культуры	Традиционный поход	Инновационный подход
Отношение родителей к сексуальной культуре детей	Советуют сохранять целомудрие до брака	Предоставляют детям самим принимать решение
Отношение студентов к сексуальной культуре сына	Будут советовать сыну сохранять целомудрие до брака	Предоставят сыну самому принимать такое решение
Отношение студентов к сексуальной культуре дочери	Будут советовать дочери сохранять целомудрие до брака	Предоставят дочери самой принимать такое решение
Сексуальные отношения в браке	Сексуальные отношения могут быть только в браке	Сексуальные отношения не ограничиваются браком
Отношение к числу сексуальных партнёров	Выбор количества сексуальных партнеров ограничен объективными условиями жизни	Выбор количества сексуальных партнеров — это выбор самого человека
Отношение к добрачным сексуальным связям	Добрачные сексуальные отношения не приемлемы	Добрачные сексуальные отношения являются социальной нормой
Отношение к внебрачным сексуальным связям	Внебрачные сексуальные отношения не приемлемы	Внебрачные сексуальные отношения являются социальной нормой
Отношение к возрасту согласия в 15–17 лет	Возраст согласия в 15–17 лет считается отклонением от социальной нормы	Возраст согласия в 15–17 лет считается социальной нормой
Отношение к гражданскому браку	Гражданский брак не признаётся как социально-культурная норма жизни	Гражданский брак признаётся как социально-культурная норма жизни
Гендерная культура	Мужчины и женщины сохраняют свою социально-природную идентичность	Мужчины и женщины равноправны во всех сферах жизни

Исследования выявили особенности социальной трансформации гендерно-сексуальной культуры студентов¹ (табл. 6, 7).

Независимо от характера гендерных стереотипов студенты единодушны в принятии за норму таких форм сексуального поведения как «гражданский брак» и «выбор количества сексуальных партнёров — это выбор самого человека». На уровне массового сознания фиксируется противоречие, с одной стороны, сексуальные отношения вышли из-под брачно-семейного контроля, сегодня они являются самодостаточными социальными отношениями.

Таблица 6

**Характер сексуально-культурных установок юношей и девушек,
% по группам**

Социальные установки на культуру сексуального поведения	2016	2022	Юноши		Девушки	
			2016	2022	2016	2022
Родители советовали соблюдать целомудрие до брака	38,7	42,0	23,0	37,8	51,0	51,4
Будут советовать сыну соблюдать целомудрие до брака	35,0	58,0	30,8	57,3	38,3	59,5
Будут советовать дочери соблюдать целомудрие до брака	67,3	79,8	68,4	85,4	66,4	67,6
Положительно относятся к добрачным сексуальным отношениям	56,8	91,6	66,7	89,0	49,0	97,3
Положительно относятся к внебрачным сексуальным отношениям	18,8	38,7	26,5	36,6	12,8	43,2

Вместе с тем на индивидуальном уровне сознания доминирует нравственная ответственность за сексуальную культуру своих детей. Это ярко проявилось в отношении принятия как социального факта современного общества, «возраста сексуального согласия в 15–17 лет», в то же время студенты хотели бы предупредить своих будущих детей от поспешности вступления в сексуальные отношения. Хотя здесь есть особенность: у неотрадиционалистов снизился данный показатель в отношении дочерей. Данная группа транслирует переходное состояние между теми, кто сохраняет традиции и теми, кто принял новую гендерную традицию.

¹ Социологические исследования «Сексуальная культура студентов» (2016 г. — N=266, 2022 — N=119).

Таблица 7

Социально-гендерный характер сексуально-культурных установок студентов, % по группам

Социальные установки на культуру сексуального поведения	Социально-гендерные типы							
	Традиция		Неотрадиция		Новая традиция		Латентность	
	2016	2022	2016	2022	2016	2022	2016	2022
<i>Традиционный подход</i>								
Родители советовали соблюдать целомудрие до брака	40,0	35,5	43,7	27,3	31,3	46,2	38,4	55,3
Будут советовать сыну соблюдать целомудрие до брака	42,2	62,5	38,2	50,0	27,1	61,5	31,5	55,3
Будут советовать дочери соблюдать целомудрие до брака	78,9	87,5	72,8	63,6	50,0	69,2	61,7	81,6
Сексуальные отношения могут быть только в браке	38,9	40,6	25,5	18,2	33,3	23,1	27,4	39,5
<i>Формирование новой традиции</i>								
Возраст сексуального согласия 15–17 лет	16,7	41,9	18,2	45,5	29,2	57,7	20,5	50,0
Выбор количества сексуальных партнеров — это выбор самого человека	71,1	71,9	70,9	90,9	87,5	96,2	75,3	81,6
Положительно относятся к внебрачным сексуальным отношениям	16,7	31,3	14,5	22,7	27,1	65,4	19,2	34,2
Положительно относятся к «гражданскому браку»	37,8	81,3	41,8	95,5	41,7	84,6	38,5	73,7

Добрачные сексуальные отношения стали социальной нормой. Такая же закономерность наблюдается относительно внебрачных сексуальных связей.

За исследуемый период положительное отношение к внебрачным связям увеличилось вдвое. Однако юноши стали более консервативны,

т.е. стало больше тех, кто отрицательно относится к внебрачным отношениям (в 2016 г. таких было 53,5 %, в 2022 — 63,4 %), тогда как девушки демонстрируют высокий уровень культурно-сексуальной лояльности.

Наблюдается инерционность сексуальной культуры родителей студентов. Однако вследствие трансформационных процессов здесь фиксируется гендерный феномен. Если в 2016 г. отношение к сохранению целомудрия и непорочности больше касалось девушек, то сегодня социальный вектор направлен в сторону юношей. Это, в свою очередь, сказалось на понимании юношами и девушками своей роли родителей. У юношей и девушек наблюдается более высокий, чем у их родителей, уровень нравственной ответственности как будущих отца и матери за своих детей, причем в отношении не только дочерей, но и будущих сыновей.

Наши исследования подтверждают факт того, что сильной стороной гендерно-сексуальной революции является сформированность «сексуальности» как социальной нормы добрачных отношений. Между тем формирование института гражданского брака как раз выполняет функцию регулирования сексуальных отношений в условиях социализации современного института семьи. Сильная сторона традиционного подхода — это сохранение мужской и женской социально-природной идентичности, стремление сохранить традиционную сексуальную культуру через институт брака и родительства. Слабой стороной — «сексуальность» воспринимается как некая сакральность, граничащая с социальным фетишизмом. В данном контексте социального фетишизма сексуальность не рассматривается как сексуальная девиация, что характерно для психологического направления, здесь она мифологизирована в соответствии с нравственными устоями, включая религиозный аспект. Уровень религиозности студентов в этой группе выше, чем у других студентов. Практически каждый второй отнес себя к верующим, каждый четвертый находится в состоянии неопределенности (в совокупности это составляет 70 % против 34 % студентов, ориентированных на новую модель гендерно-сексуальной культуры). Сексуальность как социальный фетиш, по нашему мнению, в большей степени отражает трактовку Маркса о фетишизме: «Фетишизм весьма далек от того, чтобы возвысить человека над его чувственными вожделениями, он, напротив, является “религией чувственных вожделений”» (Соболев 2015).

Следует также отметить, что суррогатная культура обладает дифункциональностью, которая проявляется в процессе формирования гендерно-сексуальных установок у детей в условиях семьи.

Данные тенденции отображены в диаграммах 1, 2.

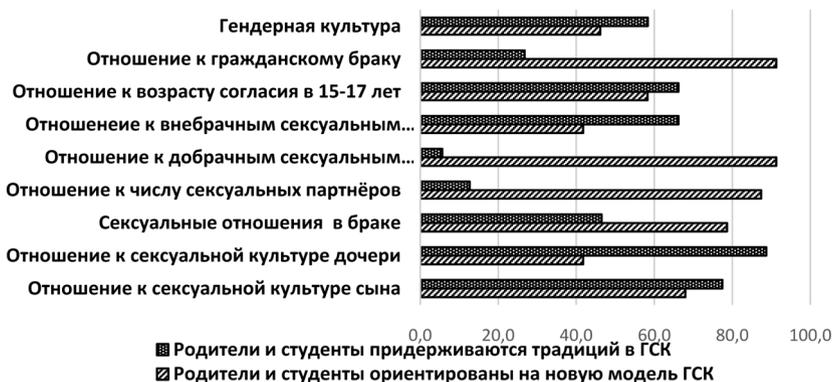

Диаграмма 1. Роль родителей в формировании гендерно-сексуальной культуры студентов (ГСК) (% по группам, 2022 г.)

Диаграмма 2. Влияние «суррогатной культуры» на представление студентов о сексуальных отношениях (% по группам, 2022 г.)

Репродуктивно-супружеская культура: новая традиция или переосмысление старой традиции?

Одним из основных социальных показателей, характеризующих репродуктивную культуру личности, является установка на число детей в семье. Наши исследования¹ раскрывают процесс трансформации репродук-

¹ Социологические исследования «Будущее наше и твое» (1969 г. — N=1370); «Правовая культура семьи и брака» (1992 г. — N=196); Социальный портрет сту-

тивной установки во времени и пространстве, которая касается прошлого, настоящего и будущего. Это позволяет определить, является ли установка на двух детей новой традицией репродуктивной культуры, которая сформировалась в прошлом, или это был период переосмысления традиционной модели семьи для будущих поколений (табл. 8).

Таблица 8

Пространственно-временная трансформация установки студентов на число детей в семье, % по группам

Установка на количество детей	1969	1992	2008	2022		Прогнозируемая модель		
				Установка	Идеал	Через 25 лет	Через 50 лет	Через 100 лет
Одного	5,9	6,8	13,2	12,4	11,6	24,7	20,2	11,9
Двух	59,9	49,2	52,3	55,6	64,0	23,7	17,8	14,3
Трех	17,4	18,9	12,8	25,8	18,5	17,7	20,9	20,5
Больше трех	1,3	4,6	4,5	2,1	4,2	14,2	21,6	27,1
Латентность	15,4	18,6	12,3	4,1	1,7	19,7	19,5	26,2

Примечание: установка на число детей до 2022 г. рассчитана в процентах от числа опрошенных, прогнозируемая модель — в процентах от числа упоминаний¹.

В периоде с 1969 по 2022 г. мы наблюдаем маятниковый характер перераспределения установок студентов на число детей. Дезорганизация общественной жизни, которая началась в 1990-е, привела к изменению данной установки. У поколения, рожденного в нулевые, отмечается позитивная тенденция. Она связана с тем, что отношение к числу детей стало более очевидным и определенным. Значительно возрос интерес к многодетности. В то же время при моделировании условий жизни молодежи склоняется к нормодетности, т.е. к рождению максимум двух детей.

дентов» (2008 г. — N=512); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97); «Представление студентов о будущем семьи и брака» (2021 г. — N=189); «Репродуктивная культура студентов» (2017 г. — N=124).

¹ В исследовании «Представление студентов о будущем семьи и брака» 2021 г. был задан вопрос: «Как вы считаете, какие формы брачно-семейных отношений чаще всего будут встречаться в будущем через 25, 50 100 лет?», который включал подвопрос о количестве детей в семье будущего. Можно было выбрать несколько вариантов ответов. Общее число ответов превышало 100 %. Поэтому расчет произведен от числа упоминаний.

Следует отметить, что современные юноши более ориентированы на рождение не только двоих детей (63,6 % против 56,3 % среди девушек), но и троих (36,4 % и 23,9 % соответственного по гендерным группам).

Репродуктивная культура в обозримом поколенном будущем, по мнению студентов, будет более лояльной. В ней нет жесткой дифференциации по числу детей в семье. При этом мы фиксируем постепенную переориентацию существующей в настоящее время структуры детности по поколенному срезу, т.е. современная нормодетность перерастает в многодетность. В отдаленном будущем (через 100 лет), по представлению современных студентов, многодетность станет наиболее востребованной. Однако следует отметить, что уровень неопределенности (латентности) возрастает от обозримого к отдаленному будущему.

Установка на число детей связана с определением респондентами своего профессионально-трудового статуса. От того, как будет развиваться их карьера, зависит их репродуктивный выбор. Одной из проблем этого выбора, с одной стороны, может стать стремление отдалить время замужества/женитьбы, а следовательно рождение детей в браке, что приводит к нереализации потребности в семье и детях, с другой — на данный выбор может оказывать влияние бесплодие одного из супругов. В связи с этим возникает вопрос: готовы ли юноши и девушки к принятию решения об использовании вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) (табл. 9).

Как уже было отмечено, процесс трансформации репродуктивной культуры за последние 30 лет привел к изменению установки молодых людей на детей как жизненную ценность. За пять лет¹ практически вдвое увеличилось число респондентов, для которых в настоящее время ориентация на карьеру является доминирующей относительно репродуктивного выбора. Если среди юношей в 2017 г. каждый второй сделал бы выбор в пользу детей, то сегодня ситуация поменялась кардинально. Данная проблема затронула и девушек. Однако им в большей мере свойственна неопределенность.

Современные технологии в сфере репродукции позволяют решать не только физиологические проблемы, но и социальные, которые могут возникать в процессе становления семейно-брачных отношений. Поэтому от характера готовности прибегнуть к их помощи зависит социальная и социально-психологическая удовлетворенность ролью и статусом мужчины и женщины, жены и мужа, отца и матери. За прошедшее время наблюдается позитивный сдвиг в отношении современных искусственных форм репродукции если это будет касаться избранника/избранницы. Причем

¹ Социологические исследования «Репродуктивная культура студентов» (2017 г. — N=124); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Таблица 9

Институционально-культурный репродуктивный выбор, % по группам

Институциональный выбор	2017	2022	Юноши		Девушки	
			2017	2022	2017	2022
<i>Если бы перед вами встал выбор: ребенок или работа/карьера</i>						
Выбрали карьеру	16,7	30,9	18,9	50,0	14,9	25,7
Выбрали бы ребёнка	48,3	29,9	52,8	27,3	44,8	31,1
Затрудняются ответить	32,5	38,1	24,5	22,7	38,8	43,2
<i>Если вы до вступления в брак узнаете, что ваш избранник/избранница не могут иметь детей</i>						
Предложите усыновить/удочерить ребёнка	25,0	21,6	30,2	18,2	20,9	23,9
Предложите воспользоваться ВРТ	20,0	27,8	18,9	31,8	25,4	28,2
Ничего не буду предпринимать	5,8	15,5	7,5	27,3	4,5	12,7
Затрудняются ответить	45,8	23,7	41,5	18,2	49,3	26,8
<i>Если не выйдете замуж/не женитесь, но будете хотеть иметь детей, то готовы ли прибегнуть к вспомогательным репродуктивным технологиям</i>						
Готовы	35,5	28,1	39,5	40,9	34,3	24,3
Не готовы	33,0	39,6	26,4	40,9	35,8	39,2
Затрудняются ответить	31,5	32,3	32,1	18,2	29,9	37,5

число тех, кто в связи с репродуктивными проблемами «своих половинок» прекратил бы отношения, составляет примерно 5 %. Данный процент не меняется со временем.

Результаты исследований показали, что если студенты в будущем не смогут выйти замуж или не женятся, но при этом будут хотеть иметь детей, то только треть из них готова прибегнуть к искусственным методам репродукции. Такая ситуация сохраняется последние пять лет. В то же время при позитивном отношении к этой форме репродукции доля юношей, не готовых к такой ситуации, резко возросла. Среди девушек произошло сокращение числа тех, кто был готов воспользоваться данными методами, но при этом увеличился объем латентности.

Супружескую культуру можно рассматривать как симбиоз сексуальной и репродуктивной гендерной культуры. В этом контексте супружество — это искусство перевоплощения сексуальности в родительство. В то же время супружество — это способность интегрировать профессионально-

трудовые интересы в семейно-родительские. Таким образом, проблемное поле супружества включает в себя реконструкцию сексуальных, репродуктивных и профессионально-трудовых установок.

В нашем исследовании студентам был предложен вопрос, позволяющий определить функционально-гендерный стереотип супружества: «Как вы считаете, благодаря какой/какому женщине/мужчине ее/его дети будут счастливыми и успешными в жизни?»

Были выделены следующие стереотипные характеристики:

Приоритет профессионально-трудового статуса — женщина/мужчина должны иметь высшее образование, стабильную, престижную работу с перспективой профессиональной карьеры, именно это поможет воспитать образованных, успешных детей.

Приоритет родительства — женщина/мужчина должны быть в первую очередь покладистыми, добрыми, любящими, заботливыми матерью/отцом, так как только такие женщина/мужчина способны воспитать хороших, порядочных детей.

Приоритет сексуальности — женщина/мужчина должны в первую очередь следить за собой, быть всегда ухоженными, веселыми, красивыми, тогда и дети будут такими же.

Как показал анализ сексуальной и репродуктивной культуры у современных студентов, в их установках доминирует, с одной стороны, неотрадиционализм и новотрадициональность, с другой — приоритет работы/карьеры над статусом родительства. Традиционализм за последние пять лет стал менее востребованным. Именно эти особенности сексуальной и репродуктивной культуры определили их гендерно-супружеские стереотипы¹ (табл. 10).

Исследования показали, во-первых, в супружеской культуре доминирует гендерный стереотип. Во-вторых, сохраняется стереотип в отношении функционально-ролевых позиций мужчины в семье. В-третьих, оставляя за женщинами приоритет родительства, мы наблюдаем переориентацию ее позиций в профессионально-трудовую сторону. В-четвертых, мнение юношей и девушек существенно изменились. В них прослеживается наличие сформированного неотрадиционализма. В-пятых, сексуальная доминанта не воспроизводится в функционально-гендерной стереотипизации супружества. В-шестых, следует отметить возрастание латентности в отношении культурных стереотипов, особенно со стороны девушек.

Уровень супружеской зрелости студентов проявился при ответе на вопросы: «Что в отношениях между супругами является наиболее важ-

¹ Социологические исследования «Выбор брачного партнера» (2017 г. — N=120); «Институционализация современной культуры» (2022 г. — N=97).

Таблица 10

Функционально-гендерный стереотип супружества, % по группам

Социальные стереотипы	2017	2022	Юноши		Девушки	
			2017	2022	2017	2022
<i>Образ женщины</i>						
Приоритет профессионально-трудового статуса	6,7	22,7	3,3	20,0	13,3	24,7
Приоритет родительства	66,7	45,4	83,6	65,0	64,4	42,5
Приоритет сексуальности	5,0	7,2	6,6		4,4	9,6
Затрудняюсь ответить	6,7	20,6	3,3	15,0	13,3	23,3
<i>Образ мужчины</i>						
Приоритет профессионально-трудового статуса	49,2	52,6	47,5	61,9	66,7	52,1
Приоритет родительства	28,3	29,9	41,0	28,6	20,0	31,5
Приоритет сексуальности	2,5	1,0	4,9	4,8		
Затрудняюсь ответить	5,0	13,4	3,3	4,8	8,9	16,4

ным?» и «Кого в первую очередь мы выбираем перед заключением брака?»¹ (табл. 11).

Таблица 11

Культурно-нравственные и статусно-супружеские приоритеты студентов, %

Культурно-нравственные приоритеты супружеских отношений		Приоритеты статусно-супружеских ролей	
Взаимное уважение	88,0	Надежда и опора в жизни	78,7
Теплые и искренние отношения	79,5	Муж/жена	52,2
Верность	78,8	Отец/мать будущих детей	46,4
Любовь	77,7	Друг/подруга	30,9
Взаимная поддержка	75,7	Любовник/любовница	18,6
Сексуальная гармония	50,3	Домохозяйка/добытчик	10,7
Забота о детях	36,3		
Сходство интересов	26,4		
Четкое распределение ролей и обязанностей	12,7		

¹ Социологическое исследование «Представление студентов о будущем семьи и брака» (2021 г. — N=189).

Характер и степень влияния институциональных факторов на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры

Институционализация сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры рассматривается через формы и виды социального взаимодействия институциональных субъектов, которые отражают особенности социальных институтов в соответствии с их ролевыми функциями: социальное воспроизводство (СВ), социальная реализация личности (РЛ), социальное управление (СУ) (диагр. 3, табл. 12).

В основном институционализация сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры осуществляется через систему институтов социального воспроизводства, где доминирующую роль играет родительская семья. Слабым звеном в институциональном пространстве являются институты социального управления, причем это касается как институтов политики, так и церкви, практически все институты социальной реализации личности, включая образование и просвещение, исключение в определенной мере составляют институты виртуальных коммуникаций (интернет), в институциональной системе социального воспроизводства — институты экономики.

Институционализация в большей степени направлена на репродуктивную и супружескую культуру. Причем это влияние однотипно в отношении и юношей, и девушек. Особая роль здесь отводится собственному жизненному опыту (51,5 и 56,7 %). Следует отметить, что на репродуктивную культуру, по мнению юношей и девушек, сильное влияние оказывает семья как социальная системы (от 62,1 % до 75,3 %), которая

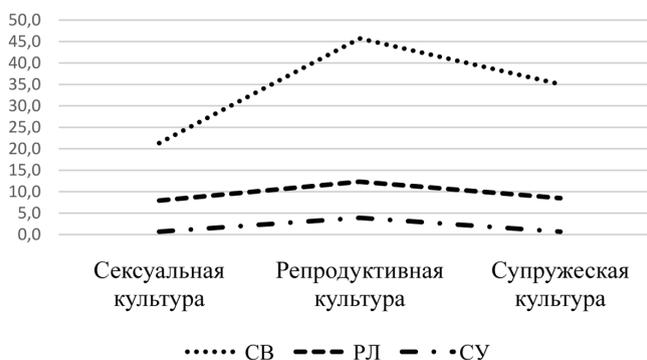

Диаграмма 3. Влияние социальных институтов в соответствии с их ролевыми функциями на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры студентов, 2022 г. (% по группам)

Таблица 12

**Гендерная институционализация сексуальной, репродуктивной
и супружеской культуры студентов**

Институциональные факторы	Сексуальная культура		Репродуктивная культура		Супружеская культура	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
<i>Социальные институты (КфСИ)</i>						
Институт семьи	1,13	1,33	2,17	2,23	1,68	1,85
Институт дружбы	1,93	1,77	1,43	1,57	1,52	1,41
Институт образования	1,02	1,04	1,09	1,17	1,15	1,15
Институт виртуальных социальных коммуникаций	1,36	1,23	1,27	1,33	1,36	1,40
Институт культурных трансформаций	1,05	1,08	1,17	1,32	1,15	1,37
Институт церкви	0,86	0,89	0,95	1,04	1,09	1,01
Институт политики	0,86	0,91	0,98	1,01	1,05	0,99
Институт экономики	0,91	0,88	0,95	0,83	1,05	1,11
Личность как институциональный субъект	1,73	1,99	1,77	2,07	1,95	2,29
Средний показатель СИ	1,21	1,23	1,31	1,4	1,36	1,45
<i>Классификация по ролевым функциям социальных институтов (КфИРФ)</i>						
Институты социального воспроизводства	1,23	1,44	1,87	1,98	1,63	1,81
Институты реализации личности	1,2	1,17	1,21	1,32	1,24	1,30
Институты социального управления	0,86	0,9	0,97	1,02	1,07	1,00
Средний показатель ИРФ	1,1	1,17	1,35	1,44	1,31	1,37

Примечание: 1) Социологическое исследование «Институционализация современной культуры (2022 г. — N=97); 2) СИ — социальные институты, ИРФ — институционально-ролевые функции; 3) Кф — коэффициент отражает влияние институциональных факторов на формирование сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры студентов (формула расчета средневзвешенного значения, где 3 балла — сильное влияние, 2 — слабое влияние, 1 — не влияет).

включает все семейно-родственные связи по вертикали и горизонтали (45,4 % отмечают влияние дедушек/бабушек, 35,1 % — братьев/сестер), а также здесь немаловажную роль играет близкий, любимый человек (45,2 %). Каждый пятый отмечает влияние литературы и кино (23 %). Такая же ситуация и относительно характера формирования супружеской культуры. Хотя здесь отмечаются некоторые гендерные различия, так каждый пятый юноша отметил роль интернета (18,2 %), такая же доля кино и литературы у девушек. По всем остальным показателям институциональная картина однотипная с репродуктивной культурой.

Сексуальная культура оказывается «институциональным аутсайдером». Наибольшее влияние на формирование сексуальной культуры оказывает личный сексуальный опыт студентов, причём у девушек он проявляется ярче, чем у юношей. Дружья и общение в интернете у юношей доминируют над ролью родителей в этом процессе (72,8 и 54,6 % против 27,3 %). На роль родителей в большей мере указывают девушки (49,3 %), однако и они выделяют роль подруг и интернет-общение (54,6 и 24,4 %). Влияние дедушек и бабушек, братьев и сестер оказалось не значительным как для юношей, так и для девушек (14,4 и 8,2 %).

На такие институциональные средства формирования сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры, как беседы и разговоры со специалистами, учителями, преподавателями вуза, образ жизни политиков и представителей бизнеса, церковнослужителей и богемы с «золотой молодежью, практически никто из юношей и девушек в исследовании не отреагировал (показатель варьируется от 0,0 % до 4,5%).

В целом следует отметить, что основным институционально-социализирующим фактором формирования данной системы культуры личности остается родительская семья. В первую очередь это взаимоотношение родителей в быту, умение родителей выстраивать диалог с детьми, касающейся сексуальной, репродуктивной и супружеской культуры. Однако сегодня молодые люди сами становятся субъектами институционализации культурных трансформаций своего социального поведения.

Заключение

На основании представленных материалов, результатов социологических исследований, обзора научных источников можно сделать ряд выводов. При этом следует учитывать, что сформированные в условиях первичной социализации потребности, установки, жизненные ценности не всегда приводят к аналогичному социальному поведению, но то, что

традиционное восприятие гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры трансформировалось, — очевидный эмпирический факт.

Исследования, проведенные авторами, показывают, что семья остается востребованной формой социальной организации жизни современного человека. Однако установка на детей в структуре жизненных ценностей на протяжении последних 20 лет носила неустойчивый характер. В настоящее время наблюдается снижение значимости детей в жизни пермской студенческой молодежи.

Сегодня надо говорить не о кризисе или модернизации института семьи, а об институциональной дисфункциональности общественно-политических, социально-экономических, социокультурных условий, в которых существует современная семья.

Наблюдается смена парадигмы восприятия молодежью института брака. Брак воспринимается не как «союз мужчины и женщины», а как личностная социальная система, которая позволяет молодым людям удовлетворить свои потребности в социальной безопасности, общении с близким человеком как объектом духовности и сексуальности.

Любовь сохраняет свою духовно-романтическую окраску. Студенты не идентифицируют понятие «любовь» с сексуальными отношениями.

Язык сексуальной культуры метафоричен. В нем представлена многообразная палитра определения сексуальных отношений, которая включает как художественно-литературные, так и ненормативные образы.

Сегодня можно говорить о том, что формирование новой сексуально-гендерной традиции вошло в активную фазу. С одной стороны, традиционная модель находится на критически низком статистическом уровне, с другой — в таких же параметрах определяется и уровень латентности. Однако неотрадиционализм достаточно стабилен.

На уровне массового сознания наблюдается полное принятие такого типа сексуального поведения, как добрачные сексуальные отношения, повысилась лояльность к внебрачным связям. На личностном — проявляется сдвиг в сторону традиционного сексуального поведения, которое студенты хотели бы формировать у своих детей. Причем это наиболее характерно для юношей, тогда как девушки сохраняют прежние установки на сексуальное поведение своих будущих детей. Поколенный разрыв в установках родителей и студентов на характер сексуального поведения детей является следствием суррогатной культуры, возникшей в 1990-е годы. В то же время роль родителей в воспитании сексуальной культуры детей остается значимой. Ослабление данной роли приводит к дисфункциональной трансформации всех составляющих сексуально-культурной

системы. Именно это мы наблюдаем при переходе от традиционной модели к неотрадициональной и затем к новой гендерной традиции. В латентности концентрируются все эти сексуально-культурные дисфункциональности. Точками бифуркации здесь выступают утверждения «сексуальные отношения могут быть только в браке» и «положительное отношение к внебрачным сексуальным связям».

В рамках культурно-этической парадигмы, идеологизированной прежними традициями, сегодня через систему социальных институтов конструируется общественное сознание. В ней сексуальности придается большее значение, чем она того заслуживает. Это привело к тому, что «сексуальность» сама по себе стала объектом социального фетиша. У тех, кто сохраняет гендерно-сексуальные традиции, в культурном стереотипе доминирует религиозно-нравственный аспект, у тех, кто вписался в новое гендерно-сексуальное пространство — культурно-эстетический.

Репродуктивные установки носят статичный характер. Студенты ориентированы на рождение двоих детей при любых социально-общественных условиях. При рассмотрении поколенного среза будущего молодежи позитивно воспринимает многодетность. Ориентация на многодетность в будущем говорит о том, что «традиционная» детность в пределах последних 50 лет находилась в латентном состоянии. Желание иметь троих и более детей (по современным нормам это многодетность) доминирует в сознании молодежи, однако, реальность диктует необходимость рационализировать свою личную модель семьи. Отдаленное будущее остается для молодежи менее очевидным. Уровень неопределенности возрастает от поколения к поколению.

Отделение сексуальности от репродукции — это скорее искусственно созданный прецедент, а не естественный (эволюционный) процесс трансформации репродуктивной культуры.

Институциональная дисфункциональность российского общества создает проблемы культурно-репродуктивного выбора. Наблюдается резкая переориентации молодежи на профессионально-трудоустройстве в системе «карьера — дети». Особенно это затронуло юношей. В то же время следует отметить, что данная проблема имеет самую высокую латентность среди других репродуктивных показателей, которая ярче всего проявляется у девушек. Такая ситуация говорит о том, что традиционная модель семьи, где доминирует роль мужчины как добытчика, становится очевидной.

Регулирование репродуктивной активности с помощью искусственных методов репродукции находится в состоянии неопределенности. В настоящее время скорее можно говорить об отторжении этого способа

рождения детей, чем о его позитивном тренде. В то же время в отношении репродуктивных проблем, касающихся избранника/избранницы, молодые люди готовы прибегнуть к вспомогательным методам репродукции.

Супружество студентами воспринимается как гендерный симбиоз сексуальной, репродуктивной и профессионально-трудовой культуры.

В настоящее время молодежь является основным институциональным субъектом. Родительская семья сохраняет свое влияние на формирование репродуктивной и супружеской культуры, однако нивелируется относительно сексуальной культуры. Институты социального управления (институты политики и церкви) оказались социально-дисфункциональны. Следовательно, говорить об их активной роли в процессе формирования гендерно-сексуальной и репродуктивно-супружеской культуры бесосновательно. Институты социальной реализации личности проявляют или социальную аморфность, или социальную агрессивность, с которой они навязывают этико-культурные образцы современного гендерно-сексуального и репродуктивно-супружеского поведения. Такой подход скорее отторгается в молодежной среде, нежели воспринимается как образец для подражания.

Девушки более активно встраиваются в институциональную трансформацию общественной жизни. Юноши чаще всего маневрируют в рамках старой и новой традиционной парадигмы. Следовательно, девушки оказываются более динамичным социальным субъектом, а юноши в данном случае выполняют роль социального стабилизатора.

Исторический срез в 100 лет (XX в.) не является социальным временем, в течение которого прошлые традиции могли быть полностью заменены новыми. Старые традиции сохраняются как в социальной практике, так и в латентном состоянии. Сексуальная, гендерная, семейно-брачная революция — это бесконечный социальный процесс.

Мужчины и женщины на протяжении всего этого времени искали/ищут оптимальный вариант сексуальной, репродуктивной, супружеской культуры. Точками социального риска данного процесса выступают исторические моменты, когда общественная культура переживает состояние «суррогатной культуры». Именно в это время происходит перманентная ломка старых устоев, традиций, социальных норм и правил. Однако по прошествии определенного времени культурные сдвиги в массовом сознании приходят в состояние социального покоя. Это состояние характеризуется доминирующей в данный момент времени общественной культурной парадигмой в сексуальной, репродуктивной и супружеской сфере. На личностном уровне в это время формируется многообразие культурных стереотипов этой области жизни.

Литература/References

Антонов А.И. (2018) Социологический анализ репродуктивных установок на число детей и сроки их рождения. *Социальная динамика населения и устойчивое развитие*: 344–347.

Antonov A.I. (2018) Sociologicheskij analiz reproduktivnyh ustanovok na chislo detej i sroki ih rozhdeniya [Sociological analysis of reproductive attitudes on the number of children and the timing of their birth]. *Social'naya dinamika nasele-niya i ustojchivoje razvitie* [Social dynamics of population and sustainable development]: 344–347 (in Russian).

Ахметова А.Т., Макарова Д.А. (2022) Совершенствование мер государственной поддержки семьи, материнства и детства. *E-SCIO*, 1(64): 147–154.

Akhmetova A.T., Makarova D.A. (2022) Sovershenstvovanie mer gosudarstvennoj podderzhki sem'i, materinstva i detstva [Improving measures of state support for family, motherhood and childhood]. *E-SCIO* [E-SCIO], 1(64): 147–154 (in Russian).

Беляева М.А. (2015) Роль семьи и церкви в формировании репродуктивной культуры. *Интернет-журнал «Мир науки»*, 1 [<http://mir-nauki.com/PDF/19KMN115.pdf>] (дата обращения 18.02.2023).

Belyaeva M.A. (2015) Rol' sem'i i cerkvi v formirovanii reproduktivnoj kul'tury [The role of family and church in the formation of reproductive culture]. *Internet-zhurnal «Mir nauki»*, 1 [Online magazine “World of Science”] [<http://mir-nauki.com/PDF/19KMN115.pdf>] (accessed: 18.02.2023) (in Russian).

Богомягкова Е.С., Ломоносова М.В. (2017) Вспомогательные репродуктивные технологии: к вопросу о новых формах социального неравенства. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(3): 180–198.

Bogomyagkova E.S., Lomonosova M.V. (2017) Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii: k voprosu o novyh formah social'nogo neravenstva [Assisted reproductive technologies: on the issue of new forms of social inequality]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(3): 180–198 (in Russian).

Бодрийяр Ж. (2006) *Общество потребления. Его мифы и структуры*. М.: Культурная революция, Республика.

Baudrillard J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer Society. Its myths and structures] Moscow: Kul'turnaya revolyuciya, Respublika (in Russian).

Болдырева Н.Г. (2015) Семейные традиции как средство духовно-нравственного воспитания дошкольников. *Молодой ученый*, 22: 753–755.

Boldyreva N.G. (2015) Semejnye tradicii kak sredstvo duhovno-nravstvennogo vospitaniya doshkol'nikov [Family traditions as a means of spiritual and moral education of preschool children]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 22: 753–755 (in Russian).

- Веблен Т. (1984) *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
- Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress (in Russian).
- Вишневский А.Г. (2008) Эволюция российской семьи. *Экология и жизнь*, 7. [https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650/Evoluyutsiya_rossiyskoy_semi] (дата обращения: 01.02.2023)
- Vishnevskiy A.G. (2008) Evolyuciya rossijskoj sem'i [The evolution of the Russian family]. *Ekologiya i zhizn'* [Ecology and life], 7. [https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650/Evoluyutsiya_rossiyskoy_semi] (accessed: 01.02.2023) (in Russian).
- Гидденс Э. (2004) *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. СПб.: Питер.
- Giddens E. (2004) *Transformaciya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennyh obshchestvah* [Transforming Intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies]. St Petersburg: Piter (in Russian).
- Егорова Н.Ю. (2020) *Супружество в современной России: особенности функционирования*: дис. д-ра социол. наук. Н. Новгород.
- Egorova N.Y. (2020) *Supruzhestvo v sovremennoj Rossii: osobennosti funkcionirovaniya* [Marriage in modern Russia: features of functioning]. Dissertation of doctor of sociological sciences. Nizhnij Novgorod (in Russian).
- Захаров С.В. (2007) Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? Малева Т.М., Снявская О.В. (ред.) *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования*. М.: НИСП: 75–126.
- Zakharov S.V. (2007) Transformaciya brachno-partnerskih otnoshenij v Rossii: «zolotoj vek» tradicionnogo braka blizitsya k zakatu? [Transformation of marriage and partnership relations in Russia: is the “golden age” of traditional marriage coming to an end?]. In: Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. (eds.) *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* [Parents and children, men and women in the family and society]. Moscow: NISP: 75–126 (in Russian).
- Ильичева Е.С. (2019) Виртуализация семьи в культуре потребления. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 3(23): 12–14.
- Ilyicheva E.S. (2019) Virtualizaciya sem'i v kul'ture potrebleniya [Virtualization of the family in consumer culture]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities Research], 3(23): 12–14 (in Russian).
- Киселева Л.Г., Васильева С.Н., Михайлова И.В., Песьякова Н.В., Тишкова Ю.С. (2022) Семейные традиции в современном обществе. *Международный научно-исследовательский журнал*, 4, Часть 3: 209–212.
- Kiseleva L.G., Vasilyeva S.N., Mikhaylova I.V., Pesyakova N.V., Tishkova Y.S. (2022) Semejnye tradicii v sovremennom obshchestve [Family traditions in modern

society]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal], 4, part 3: 209–212 (in Russian).

Климантова Г.И. (2018) Семья в системе социокультурных ценностей современной России. *Отечественный журнал социальной работы*, 3(74): 126–130.

Klimantova G.I. (2018) Semya v sisteme sociokul'turnyh cennostej sovremennoj Rossii [Family in the system of sociocultural values of modern Russia]. *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty* [Domestic Journal of Social Work], 3(74): 126–130 (in Russian).

Коллонтай А.М. (2008) *Большая любовь*. СПб.: Азбука-классика.

Kollontay A.M. (2008) *Bol'shaya lyubov'* [Big love]. St. Petersburg: Azbuka-klassika (in Russian).

Кон И.С. (2011) Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(1): 51–65.

Kon I.S. (2011) Tri v odnom: seksual'naya, gendernaya i semejnaya revolyucii [Three in one: sexual, gender and family revolutions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(1): 51–65 (in Russian).

Костина А.В. (2009) Традиционная культура: к проблеме определения понятия. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*, 4 – Культурология [https://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/] (дата обращения: 02.05.2023).

Kostina A.V. (2009) Traditsionnaya kultura: k probleme opredeleniya ponyatiya [Traditional Culture: On the Problem of Defining the Concept] *Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе»* [The informational humanitarian portal “Knowledge. Understanding. Skill”], 4 – *Kulturologiya* [Culturology] [https://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/] (accessed: 02.05.2023) (in Russian).

Курбатова Л.Н. (2004) *Образование как социальное качество общества*. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та.

Kurbatova L.N. (2004) *Obrazovanie kak social'noe kachestvo obshchestva* [Education as a social quality of society]. Perm: Perm. gos. tekhn. un-t (in Russian).

Курбатова Л.Н. (2012a) Отношение студентов к семье и браку. *Дискуссия*, 4: 113–121.

Kurbatova L.N. (2012a) Otnoshenie studentov k sem'e i braku [Students' attitudes towards family and marriage]. *Diskussiya* [Discussion], 4: 113–121 (in Russian).

Курбатова Л.Н. (2012b) Студенты о любви как жизненной ценности. *Дискуссия*, 5: 95–104.

Kurbatova L.N. (2012b) Studenty o lyubvi kak zhiznennoj cennosti [Students about love as a life value]. *Diskussiya* [Discussion], 5(23): 95–104 (in Russian).

Лаврентьева И.В., Илышев А.М. (2006) О степени научной обоснованности демографической политики России и неотложных мерах по ее повы-

шению. Сулакшин С.С. (отв. ред.). *Проблемы формирования государственных политик в России*. М.: Научный эксперт: 736–746.

Lavrentyeva I.V., Plyshev A.M. (2006) O stepeni nauchnoj obosnovannosti demograficheskoy politiki Rossii i neotlozhnyh merah po ee povysheniyu [On the degree of scientific validity of Russia's demographic policy and urgent measures to improve it]. In: *Problemy formirovaniya gosudarstvennyh politik v Rossii* [Problems of forming public policies in Russia]. Moscow: Nauchnyj ekspert: 736–746 (in Russian).

Мацковский М.С., Батыгин Г.С. (отв. ред.) (1989) *Социология семьи: проблемные теории, методология и методика*. М.: Наука.

Matskovskiy M.S., Batygin G.S. (1989) *Sociologiya sem'i: problemnye teorii, metodologiya i metodika* [Sociology of the family: problematic theories, methodology and techniques]. Moscow: Nauka (in Russian).

Медков В.М. (2008) Демографические прогнозы ООН для мира и России. *Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 1: 135–151.

Medkov V.M. (2008) Demograficheskie prognozy OON dlya mira i Rossii [UN demographic forecasts for the world and Russia]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science], 1: 135–151 (in Russian).

Нагевичене В.Я. (2012) Гендерные ролевые девиации как фактор риска семьи. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 10: 189–192.

Nagevichene V.Y. (2012) Gendernye rolevye deviacii kak faktor riska sem'i [Gender role deviations as a family risk factor]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University. Series Social Sciences and Humanities], 10: 189–192 (in Russian).

Радаев В.В. (2019) *Миллениалы. Как меняется российское общество*. М.: Издат. дом Высшей школы экономики.

Radaev V.V. (2019) *Millenialy. Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow: Izdat. dom Vyshej shkoly ekonomiki (in Russian).

Ростовская В.Н., Архангельский В.Н., Иванова А.Н., Кучмаева О.В., Семенова В.Г. (2021) *Семья и демографические процессы в современной России*. М.: Экон-Информ.

Rostovskaya V.N., Arhangelskiy V.N., Ivanova A.N., Kuchmaeva O.V., Semenova V.G. (2021) *Sem'ya i demograficheskie processy v sovremennoj Rossii* [Family and demographic processes in modern Russia]. Moscow: Ekon-Inform (in Russian).

Русанова Н.Е. (2018) Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы. *Журнал исследований социальной политики*, 11(1): 69–86.

Rusanova N.E. (2018) Vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii v Rossii: istoriya, problemy, demograficheskie perspektivy [Assisted reproductive technologies in Russia: history, problems, demographic prospects]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research], 11(1): 69–86 (in Russian).

Сивков А.В. (2011) *Место и роль межкультурной коммуникации в развитии социума: автор. дис. канд. филос. наук. М.*

Sivkov A.V. (2011) *Mesto i rol' mezhkul'turnoj kommunikacii v razvitii sociuma* [The place and role of intercultural communication in the development of society]. Dissertation of candidate of philosophical sciences. Moscow (in Russian).

Синельников А.Б. (2018) Семья и брак: кризис или модернизация. *Социологический журнал*, 24(1): 95–113.

Sinelnikov A.B. (2018) Sem'ya i brak: krizis ili modernizaciya [Family and marriage: crisis or modernization]. *Sociologicheskij zhurnal* [Journal of Sociology], 24(1): 95–113 (in Russian).

Соболев Ю.В. (2015) Эстетическая природа фетишизма. *Вестник Томского государственного университета*, 393: 83–91.

Sobolev Yu.V. (2015) Esteticheskaya priroda fetishizma [The aesthetic nature of fetishism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 393: 83–91 (in Russian).

Стегний В.Н. (2013) *Осознание личностью своего социального будущего: монография*. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-та.

Stegniy V.N. (2013) *Osoznanie lichnost'yu svoego social'nogo budushchego: monografiya* [A person's awareness of his social future: monograph]. Perm: Izd-vo Perm. nac. issled. politekh. un-ta (in Russian).

Стегний В.Н., Курбатова Л.Н. (2018) *Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества*. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-т.

Stegniy V.N., Kurbatova L.N. (2018) *Social'nyj portret studenchestva v usloviyah transformacii rossijskogo obshchestva* [Social portrait of students in the conditions of transformation of Russian society]. Perm: Izd-vo Perm. nac. issled. politekh. un-ta (in Russian).

Тарасова Е.О. (2016) Семейные ценности в мировых религиозных конфессиях и их влияние на российскую семью. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 16(2): 312–322.

Tarasova E.O. (2016) Semejnye cennosti v mirovyh religioznyh konfessiyah i ih vliyanie na rossijskuyu sem'yu [Family values in world religious confessions and their impact on the Russian family]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of RUDN. Series: Sociologiya], 16(2): 312–322 (in Russian).

Тарасова Е.О. (2017) Профессия бортпроводник: преимущества и ограничения. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Соц.-экон. науки*, 2: 77–91.

Tarasova E.O. (2017) Professiya bortprovodnik: preimushchestva i ogranicheniya [The profession of flight attendant: advantages and limitations]. *Vestnik Permskogo Nacional'nogo Issledovatel'skogo Politekhnicheskogo Universiteta* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences], 2: 77–91 (in Russian).

Харчев А.Г. (2003) *Социология семьи: проблемы становления науки*. М.: Центр социал. прогнозирования.

Kharchev A.G. (2003) *Sociologiya sem'i: problemy stanovleniya nauki* [Sociology of the family: problems of the formation of science]. Moscow: Centr social. prognozirovaniya (in Russian).

Файнбург З.И. (1979) К вопросу о понятии культуры и периодизации ее исторического развития (некоторые проблемы методологии). *Изв. Северо-Кавказ. науч. центра высш. шк. Общественные науки*, 3: 25–30.

Faynburg Z.I. (1979) K voprosu o ponyatii kul'tury i periodizacii ee istoricheskogo razvitiya (nekotorye problemy metodologii) [On the issue of the concept of culture and the periodization of its historical development (some problems of methodology)]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo centra vysshey shkoly. Obshchestvennye nauki* [News of the North Caucasus Scientific Center of Higher Education. Social Sciences], 3: 25–30 (in Russian).

Фахрисламова Р.Т. (2014) Феномен женской бездетности в России: исторические и социальные предпосылки. *Социологический журнал*, 3: 39–54.

Fakhrislamova R.T. (2014) Fenomen zhenskoj bezdetnosti v Rossii: istoricheskie i social'nye predposylki [The phenomenon of female childlessness in Russia: historical and social background]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 3: 39–54 (in Russian).

Шутова О.Г. (2015) Материнская карьера: дети и трудовые стратегии. *Социологические исследования*, 10: 185–194.

Shutova O.G. (2015) Materinskaya kar'era: deti i trudovye strategii [Mother's career: children and work strategies]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 10: 185–194 (in Russian).

Ярская-Смирнова Е.Р. (2001) Гендер, власть и кинематограф: основные направления феминистской кинокритики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4(2): 100–118.

Yarskaya-Smirnova E.R. (2001) Gender, vlast' i kinematograf: osnovnye napravleniya feministskoj kinokritiki [Gender, Power and Cinema: Mainstreams of Feminist Film Criticism]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 4(2): 100–118 (in Russian).

Tabatabaie A. (2015) Childhood and adolescent sexuality, Islam, and problematics of sex education: a call for re-examination. *Sex Education*, 15(3): 276–288. <https://doi.org/10.1080/14681811.2015.1005836>.

Cutas D. (2009) Sex is over-rated: On the right to reproduce. *Human Fertility*, 12(1): 45–52.

Omelchenko E. (1999) New dimensions of the sexual universe: Sexual discourses in Russian youth magazines. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 15(1): 99–133. <https://doi.org/10.1080/13523279908415399>.

Ingham R. (2005) 'We didn't cover that at school': education against pleasure or education for pleasure? *Sex Education*, 5(4): 375–388. <https://doi.org/10.1080/14681810500278451>.

Bay-Cheng L.Y. (2003) The Trouble of Teen Sex: The construction of adolescent sexuality through school-based sexuality education. *Sex Education*, 3(1): 61–74. <https://doi.org/10.1080/1468181032000052162>.

Sleeboom-Faulkner M. (2010) Reproductive technologies and the quality of offspring in Asia: reproductive pioneering and moral pragmatism? *Culture, Health & Sexuality*, 12(2): 139–152. <https://doi.org/10.1080/13691050902912767>.

Zhuravleva O., Helmer J. (2024) Teachers' perceptions and attitudes around the possible implementation of sex education in schools: views from teachers in Kazakhstan's Karaganda Region. *Sex Education*, 24(2): 154–171. <https://doi.org/10.1080/14681811.2022.2164760>.

Qin Q., Zhang J. (2023) Sex Education in China: Actors and dynamics of China's policies and practices. *Cogent Education*, 10(2). <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2270289>.

Schuiling G.A. (2005) On sexual behavior and sex-role reversal. *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*, 26(3): 217–223. ID: 36757363600.

Taylor T.F. (2007) The Origins of Human Sexual Culture. *Journal of Psychology & Human Sexuality*, 18(2–3): 69–105. https://doi.org/10.1300/J056v18n02_03.

Источники

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [<http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>] (дата обращения: 9.08.2022).

Распоряжение правительства РФ 25 августа 2014 г. № 1618-Р «об утверждении концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. [<http://base.garant.ru/70727660>] (дата обращения: 13.08.2022).

Основы социальной концепции российской православной церкви. X.6. [<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>] (дата обращения: 28.02.2024).

INSTITUTIONALIZATION OF GENDER-SEXUAL AND REPRODUCTIVE-MARITAL CULTURE AS A REFLECTION OF FAMILY AND MARRIAGE TRANSFORMATION

Lyudmila N. Kurbatova (kurbatova-ln@mail.ru),

Vasily N. Stegnyy (socio@pstu.ru),

Ekaterina O. Tarasova (tarasova_eo@mail.ru)

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Citation: Kurbatova L.N., Stegnyy V.N., Tarasova E.O. (2024) Institutsionalizatsiya genderno-seksual'noy i reproduktivno-supruzheskoy kul'tury kak otrazheniye transformatsii sem'i i braka [Institutionalization of gender-sexual and reproductive-marital culture as a reflection of family and marriage transformation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(3): 65–105 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.3>. EDN: HCERTG

Abstract. The change in the social, socio-economic, cultural and ethical paradigm of Russian society in the 1990s had an impact on the institution of family and marriage. As a result of transformational processes in these social institutions, contradictions arose in sexual, reproductive and marital culture. Sociological researches conducted on the basis of Perm university by the authors of this article during the 50 years (1969–2022) made it possible to determine the place of family, marriage, children and love in the system of life values of modern students. These investigations helped to define the nature of traditional, neotraditional and latent gender culture, to identify the socio-cultural preferences of students in the reproductive and matrimonial sphere. First of all, these preferences concern the dynamics of changing student's attitudes to the number of children in marriage, taking into account the prospects for the future. Student's preferences also include the character of the “work-family” choice and their attitudes to auxiliary reproductive methods. Matrimony is considered through functional-gender stereotyping within the framework of sexual, reproductive, professional and labor culture. In the article were highlighted the institutional factors according to the type of social institutions and their institutional and role functions. The main conclusion of the study is that the family remains a popular form of social organization of the modern human's life. A new sexual-gender tradition has been formed. Youth is the main institutional subject, with a certain preservation of the role of parents. Religious and political institutes are “the weak link”. A historical centennial period (20th century) is not sufficient time during which past traditions could be replaced by new ones. Old traditions are preserved both in social practice and in a latent state. The sexual, gender, family and marriage revolution is an endless social process.

Keywords: sexual culture, reproductive culture, marital culture, gender culture, institutional factors, tradition, neotradition, latency, boys and girls, family and marriage.